

О.А. Сулейманова

Московский городской педагогический университет

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО «КОНФЛИКТА»: ИСТОКИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рассматриваются особенности становления и развития английского и русского национальных языков, определяющие их структурные и стилистические свойства, представляющие переводческую релевантность. Предлагаются способы перевода рассмотренных языковых средств.

Ключевые слова: *перевод, национальный язык, книжный/разговорный, абстрактный, структура предложения.*

При обучении студентов навыкам разработки и выбора стратегии перевода на первых этапах обучения высокой эвристической значимостью обладает системное сопоставление ряда параметров ИЯ и ПЯ, релевантных для теории и практики перевода, что позволяет системно «увязать» язык и ментальность, увидеть за кажущейся метафизичностью языковых средств некое обоснование, поддающееся логической интерпретации и позволяющее предсказать общий «вектор» переводческой стратегии.

Рассмотрим некоторые переводчески релевантные параметры, определившие в процессе становления национального английского и русского языка их структурно-грамматическую и стилистическую палитру; далее – сам репертуар языковых средств и затем стратегию их перевода. Постановка задачи, когда культурно-историческое развитие нации признается одним из определяющих факторов в развитии языка, вполне традиционна – стремление последовательно рассмотреть процесс языкового развития на фоне становления нации отличает известную работу В.В. Виноградова [1]. И в этом смысле его работы предвосхитили и фактически были исследованиями в русле идей межкультурной коммуникации (несмотря на то, что выполнены на материале одного языка). Такой подход поддерживается также множеством исследований в различных гуманитарных областях ([2–5] и мн. др.).

Особенности становления англоязычной модели коммуникации

Структурно-функциональные и стилистические особенности англоязычного дискурса в значительной степени определяются отсутствием резкого разграничения между устной и письменной формами коммуникации. Культурно-исторические основания такого положения дел уходят корнями в XVII век за счет расцвета проповеди на английском языке [3, с. 21–22]; еще в Великобри-

тании благодаря парламентской форме правления и развитию общего права большое значение придавалось речам, произносимым в суде, и произнесенное слово играло значительную роль [4, с. 393–394], оно получает еще большую значимость уже на американском континенте в силу ряда причин, а именно: усиления влияния церкви и, соответственно, роли проповедников, «оратору принадлежала почти мифическая роль» [там же, с. 393]; образование также приобретало ораторский характер, поскольку среди преподавателей в новых колледжах преобладали священники [там же, с. 401; 3, с. 588]; «нехватка книг» [3, с. 24–25], и далее именно развитие техники уничтожило остающийся разрыв между устным и печатным словом [2, с. 572]. В намечившемся противостоянии печатного и устного слова возобладал социальный статус последнего» [3, с. 18], что привело к тому, что даже в основу литературы легла разговорная речь американцев [4, с. 392], и таким образом, устная речь приобрела приоритетное влияние [2]. Особенность пуританской этики сказывается и на манере проповедей, когда проповеднику возбранялось приводить цитаты на иностранных языках, проповедь должна быть доходчивой, а аргументы убедительными [3, с. 21]. Таким образом, как британская, так и – в еще большей степени – американская культурно-религиозная традиция определила стилистические параметры речи, которые объясняются главенством устной речи и, как следствие, неярко выраженными отличиями устной и письменной форм коммуникации. Из сложившейся культурной традиции следует ряд принципиальных выводов и следствий, определяющих английскую стилевую специфику и репертуар используемых языковых средств. Репертуар языковых средств русского и английского языков в принципе совпадает, однако их стилистическая маркированность может не совпадать, ср.: наличие как в русском, так и в английском языке лексики латинского происхождения, однако им приписывается различная значимость (см. ниже).

Рассмотрим особенности английской речи, вытекающие из особенностей культурно-исторического развития языка и нации.

Опора на факты и аргументы и стремление придать речи максимальную объективность, что достигается посредством частых прямых и косвенных ссылок на «авторитетный» источник, результаты исследований или данные статистики: прямые отсылки: *the survey / research revealed, recent findings / studies suggest, claim, current figures report that*; косвенные отсылки: *there is evidence to suggest, is reported / claimed / estimated / believed / rumoured / known*; представление события, мнения как общей истины: *the message / bottom line / the root of the problem / what counts most / the top priority / another consideration / the crucial point*. (Это хорошо согласуется с рекомендацией английских стилистов не привлекать внимание к своей персоне – *place yourself in the background* [6, с. 70].)

Позитивная установка (восходящая к проповедям) определяет то, что называют *positive thinking* (ср. рекомендации стилистов – *put statements in the positive form* [6, с. 19] и что согласуется со стремлением англосаксов избегать отрицательных характеристик. Л. Виссон, русская по происхождению американка, переводчик при ООН, отмечает расхождения между русским и английским языками в области отрицания и приводит примеры того, как стремление переводчиков приблизить перевод к оригиналу и сохранить русские отрицательные конструкции ставило их подчас в нелепое положение [7, с. 52].

Речь идет о низкой частотности отрицательных конструкций в английском языке и о стремлении заменить их положительными, например: русскому предложению *Я не сдал экзамен* может соответствовать английское *I failed in / flunked the exam*; *И с кем только я не беседовал по этому поводу* и английское *I had talked to lots of people*. Если в английском предложении есть отрицание, его сфера действия перемещается в область говорящего, снижая категоричность: *Я думаю, что это неверно* – *I do not (don't) think it is true*, *Нельзя пить холодную газировку* – *I don't think you should drink soda with ice*. Отрицание может опускаться: *Не следует пить холодный сок после горячего чая – заболит горло* – *You are taking a chance if you drink cold juice after hot tea – you can get a sore throat*. *Спасибо, ничего не надо* – *Thank you, everything is fine*. Простой диалог-запрет *Почему я не могу войти без доклада?* – *Не положено* переводится без отрицания *Those are the rules*. *В Америке не принято есть торт ложкой* – *In America a cake is eaten with a fork / we use a fork / a fork is used*. Ср. корреляты для русских отрицательных конструкций – *Не исчезай / не пропадай*; *Больше не болей*; *Не унывай*; *Это не бесполезно*; *Мы ждем вас с нетерпением*; *Мы не случайно включили этот вопрос в обсуждение*; *Ни для кого не секрет, что вы*; *По газонам не ходить*; *Не одному поколению эмигрантов пришлось почувствовать это*; *Я не раз говорил ему об этом*; *Нельзя не видеть сложности этой проблемы*; *Мы не можем не обращать на него внимание*; и *I've told you many times / over and over / time and time again*; *We are looking forward to seeing you*; *Stay well*; *To tell the truth / be frank I must admit*; *I feel awkward about calling him so late*; *Stay in touch*; *It is our duty to focus on that now*; *Cheer up / chin up*; *This is useful*; *We must deal with / face / come to grips with / tackle the complexity of the problem*; *Please, keep off the grass*; *Everyone knows / It is an open secret*; *There are good reasons why*; *It is quite clear that*; *Many generations / more than one generation had to*. Прямой приказ *Не открывай окно* (вместо *don't open the window*) переводится *It is not necessary to open the window*; *Не надо ему говорить, что он плохо говорит по-русски* – *There is no point in telling him that his Russian is poor*. Американская мама напутствует ребенка на детской площадке *Have fun!* (*Развлекайся*) или *You can do it!* (*Давай*) – в отличие от русского *Смотри не упади! Осторожно,*

не запачкайся! [7, с. 31]. Просьбы, выраженные в русском языке отрицательно-вопросительной формой *Не могли бы вы*, соответствуют английским *Will you please / Could you please* (при предпочтительности второй формы) без отрицания. Просьбы *Скажите / принесите, пожалуйста* при переводе требуют *will / could*, в противном случае они звучат грубо. *Вас не затруднит / Вы не можете сказать? Вы не скажете / Не могли бы вы сказать, как пройти к метро – Could you please show me the way to the station? Вы не возражаете, если я – Do you mind if I.* Даже фраза *Не может быть!* с отрицанием переводится как *You must be joking / kidding! Come on* (наряду с *It cannot be true*).

По мнению известного философа и культуролога Г.Д. Гачева, формулу логики Запада и Европы (еще с Аристотеля) составляет ЭТО ЕСТЬ ТО (*Сократ есть человек*), тогда как русский ум мыслит по формуле НЕ ТО, А (ЧТО?), ср. *Нет, я не Байрон, я другой* (Лермонтов), *Нет, не тебя так пылко я люблю* (Лермонтов), *Нет, я не дорожу мятежным наслаждением* (Пушкин), *Не то, что мните вы, природа* (Тютчев), *Не ветер бушует над бором* (Некрасов) [8, с. 211].

Политически корректный язык

Еще одним проявлением позитивной установки является известная толерантность англоязычной культуры и доходящее до абсурда стремление к табуизации, эвфемизации, в рамках которых выработались соответствующие когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования корпуса политически корректных средств. При этом традиционные сферы эвфемизации (смерть, религия и интимные отношения) уступили место дипломатическим отношениям, социальным проблемам и соблюдению законности [9]. Повышенная корректность английского языка, его заботливое отношение к индивиду, по мнению С.Г. Тер-Минасовой [10], обусловлены высоким уровнем социальной культуры и традициями общественного поведения; менталитетом общества с его культом отдельной личности и устоев ее индивидуального мира (*privacy*) – в противоположность идеологии, сосредоточенной на общих интересах народа, коллектива. Русский язык в целом более категоричен, поэтому изучающие английский язык часто совершают социокультурную ошибку, пользуясь словосочетанием *of course*. По-русски *конечно* звучит приемлемо и энергично как ответ на вопрос, просьбу, а в английском слишком категорично и несет несколько обидные коннотации: *это так очевидно, ну ужели вы этого не понимаете*, а социокультурные ошибки воспринимаются болезненнее, чем собственно языковые [7].

Стремление к позитивной установке заметно в языке вывесок и инструкций и в целом текстов информативно-регуляторской направленности – ср. работу [10], которые в конечном счете и определяют образ жизни, менталитет и в целом национальный характер, т.е. формируют определенный социальный мир и нас как личностей.

Прагматизм и простота берут начало от «простых» проповедей, форма которых должна была обеспечивать доходчивость, легкость восприятия. Это обуславливает использование простых синтаксических структур и просто сформулированных мыслей. Ср. требование стилистики – *use definite, specific, concrete language* [6, с. 21]. Более того, в языке предпочтительна конкретность и на лексическом уровне – так, англосаксы избегают в речи абстрактных слов различных типов – обобщенные типа *это*, отглагольные, собирательные существительные и ряд других.

Стремлением к простоте продиктовано в целом неширокое распространение заимствований и цитат. Отношение к заимствованной лексике в русской и англосаксонской культуре различно, а именно: в нашей культуре «ученый» язык с обилием уместно используемых латинизмов позволяет говорящему легче достичь цели коммуникации и реализовать коммуникативную установку на убеждение. В английской культуре, напротив, обилие латинизмов препятствует достижению этой цели (ср. простота и доходчивость проповедей) – авторы книг по английской стилистике рекомендуют избегать заимствований и ученой лексики (*avoid foreign languages* – [6, с. 76] и в целом книжный стиль.

Более того, даже, казалось бы, наличие прямой корреляции между, например, *compensate* и *компенсировать* не означает их эквивалентности – часто более уместно *make up for*. Ряд русских книжных глаголов (*ассоциировать, апеллировать, аранжировать, ангажировать, аплодировать, адресовать, аннулировать*) соответствует английским глаголам того же корня (интернационализмы), которые, однако, не носят книжного характера (*associate, appeal, engage, arrange, applaud, address, annul / cancel*). (При этом русские нейтральные глаголы могут переводиться теми же английскими – *связывать, ассоциировать, associate*). Русские отчетливо книжные глаголы могут далее переводиться английским фразовым глаголом или глагольным сочетанием: *акционировать(ся)* – *take / go public, turn into a joint stock company*, *администрировать* – *run (by means of orders)*, *агонизировать* – *be at one's last gasp*, *мобилизовать* – *raise to the task* (тж. *mobilize*), *модернизировать* – *update, upgrade*, *музицировать* – *play music*, *обмундировать* – *fit out*. Последняя группа глаголов потенциально вводит в заблуждение начинающего переводчика (*агонизировать* – **agonize*), тогда как адекватным переводом в большинстве случаев будет английский фразовый глагол с исконной корневой основой. Во многих случаях русскоязычные переводчики экстраполируют свои предпочтения (любовь к ученым словам) на английский язык, причем на результат экстраполяции влияет наличие фонетического сходства в облике слов-интернационализмов.

Стремление к простоте определяет еще одну стилистически релевантную особенность английского языка – англо-саксы избегают использования пословиц и поговорок – это не характерно для речи образованных людей [7,

с. 153], (в отличие от ситуации в русском языке, где поговорки, пословицы и речения имеют некоторое хождение). Однако как русский, так и английский дискурс опирается на широкое использование аллюзий – в английской культуре отсылки делаются на Библию, на иной культурный фон, на иную бытовую ментальность, ср.: *The room was lined, Gatsby-like with immaculate unread hardcover books* (R. Harris. *The Ghost*), где содержится ироничная отсылка к роману Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби» (Гэтсби, стремясь прослыть образованным, утверждая, что получил образование в Оксфорде, приобрел огромное количество книг, которые оставались на полках непрочитанными).

A gusty tropical breeze threatened to Marilyn Monroe her skirt (Julliane Hoffman. *Plea of Insanity*) – аллюзия к кинозвезде, фото которой в развеваемой ветром юбке стало ее визитной карточкой; *his Brodie boys* (J. Harris. *Gentlemen&Players*) – описание взаимоотношений педагога и учеников в школе для мальчиков через аллюзию к новелле М. Спарк (*The Prime of Miss Brodie*), описывающей школу для девочек, где между наставницей Мисс Броди и ученицами устанавливались чрезмерно доверительные отношения. Синоним фамильярных и манипулятивных отношений с учениками.

Слабые различия между терминологическим и нетерминологическим языком, проницаемость литературного языка для терминологических систем и книжного стиля.

Активность терминов в литературном языке определяется и известной языковой модой, спровоцирована и типом терминологических систем – так, Америка, как «страна юристов», широко опирается на юридическую терминологию в повседневной жизни. Это, в свою очередь, объясняет и то, что при неприятии в целом новых заимствований наблюдается всплеск употребляемости латинизмов – ср. список латинизмов в словаре П.Р. Палажченко – 1998) – *ego, alibi, pro et contra, alumnus, cum laude* и мн.др. Таким образом, возникает, казалось бы, противоречие в отсутствии жесткой грани между терминами и словами общелитературного языка: использованием в речи англичан книжной лексики и настороженным отношением англосаксов к латинизмам (отдается предпочтение фразовым глаголам, например). Представляется, что здесь нет противоречия – «работают» две тенденции: неприятие заимствований (родное лучше) и одновременно языковая мода и «любовь» к терминам – отсутствие грани *термин-нетермин* (данная проблема, безусловно, нуждается в исследовании).

Проекция английской языковой картины мира на русскую

Означенные особенности англоязычной коммуникации – культурно-обусловленные, а также связанные с особенностями английского языка как аналитического – определяют в значительной степени стратегию перевода англоязычного дискурса на русский язык. Переводчески релевантные факторы проявляются на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексиче-

ском, синтаксическом, прагматическом. Так, например, аллитерация как рефлекс практики древнегерманского стихосложения по-прежнему имеет широкое хождение в англосаксонском дискурсе, поскольку была подкреплена и значимостью устной, звучащей речи. Просодические параметры – аллитерация, ассонанс, консонанс и др. – широко распространены не только в художественной литературе, но и в масс-медиаальном дискурсе, прежде всего в рекламе, заголовках. Ср. описание руководства по тренингу *Trainer's Pocketbook. A pocketful of tips, techniques and tools for trainers, instructors, teachers and group leaders* (John Townsend); ...a popular, practical patchwork of advice for front line HRD practitioners.

При проекции аллитерации на русский язык во внимание принимается несовпадение ее функциональной нагрузки в английском и русском языках (это приводит к переводу через рифму или рифмоид). Но даже если английской аллитерации можно сопоставить русскую аллитерацию, значимым будет еще и то, какой именно звук лежит в ее основе. Исследования по фоносемантике показывают, что восприятие аллитерирующей фонемы определяется, помимо общего контекста (речь может идти об эмоциях, о физических характеристиках явлений – погода, работа механизмов и т.д.), ее психоакустическими параметрами – так, звук *c* и иные шипящие и свистящие обычно приносят представление о сдерживаемых отрицательных эмоциях, о скользющем, крадущемся движении и др., раскатистый *p* сигнализирует о гневе, решительности, смычные взрывные звуки *b* в контексте описания эмоций говорят о глубоких противоречиях, терзающих сознание героя, в контексте боевых действий могут говорить о резких, решительных действиях – т.е. для адекватного перевода небезразлично, какие именно звуки аллитерируют.

Аллитерация может «осложняться» семантически – например, использованием оксюморона *tremendous trifles* (*непустячные пустячки* – антонимический перевод, замена). Стилистический эффект в данном случае построен на контрасте фонетического **сходства** – с одной стороны и семантического **противопоставления** – с другой стороны, что усиливает действенность высказывания.

Особенности русскоязычной коммуникации

Культурно-релевантные особенности русского менталитета, получившие отражение в языковой картине мира и влияющие на лингвостилистическую интерпретацию текста и его перевод, в значительной степени определяются историко-культурными факторами, наряду с чисто лингвистическими (например, типом языка – аналитический английский со всеми вытекающими из этого особенностями и синтетический русский, со своей спецификой). Определяющую роль в развитии и становлении национального русского (как и английского) языка сыграла религиозно-культурная традиция.

Так, известное различие в традициях религиозных отправлений (протестантская традиция, опирающаяся на проповедь и импровизацию, vs православная традиция, опирающаяся на канон, как в сути службы, так и в выборе языковых средств, полностью на основе старославянского языка, отчетливо книжного) приводит к примату письменно-книжной традиции, радикально отличной от повседневного дискурса. При этом в рамках письменно-книжной традиции существует и светский деловой, публицистический и даже повествовательный стиль [1, с. 5–6]. Во второй половине XVII века распад церковнославянского языка и утрата им повсеместного влияния происходят на фоне роста юго-западного и западноевропейского, преимущественно латинского и польского влияния на русскую литературную речь, усилившегося в Петровскую эпоху [1, с. 51, 59]. Наличие отчетливого разрыва между книжно-канцелярской и разговорной традицией осознается уже в начале XVIII века, что проявляется в стремлении ученых поставить вопрос о статусе языка и о регламентации языковых процессов – появляется учение М.В. Ломоносова о трех стилях. В период становления демократической мысли имеет место распространение отвлеченно-философских терминов и понятий (большую роль играет В.Г. Белинский и его соратники), доминирующее положение постепенно занимают стили журнально-публицистической, газетной и научно-популярной речи и в языке художественной литературы, идет процесс политехнизации языка, границы литературного языка расширяются в сторону специальных (терминологических) языков [1, с. 392]. Русский язык продолжает оставаться восприимчивым к языковым инновациям, легко абсорбируя и далее ассимилируя иноязычную лексику, прежде всего потому, что входящие слова – как правило, термины и книжная лексика – вписываются в тот регистр, владение которым считается престижным маркером социального положения говорящего.

Таким образом, одним из определяющих факторов стилистического своеобразия русского дискурса можно считать исторически и культурно-обусловленное резкое *различие между устной и письменной (официальной/неофициальной) формой коммуникации*, которое определяет особенности русскоязычной коммуникации, в первую очередь именно в сфере профессионального общения.

Частотность книжной, абстрактной лексики – служит маркером образованности и отражает традиционный пиетет по отношению к образованию и книжности в русской культурной модели. Одним из проявлений книжного характера речи служит наличие в ней большого числа абстрактных наименований, в русском языке это прежде всего абстрактные существительные: слова широкой семантики – *это, вещь, проблема* (см. [11, с. 82–84]), родовые (по отношению к видовым) – *оружие – пистолет*, существительные

собирабельные – *студенчество, молодежь*, отглагольные – *принятие (решения), заключение (соглашения)*, абстрактного качества – *белизна*, вероятностной оценки – *возможность* и другие.

Слова широкой семантики (*это, так, все, вопрос*) при переводе необходимо конкретизировать с опорой на широкий контекст: ср. *Мы рассмотрели вопрос о размещении заказа на обработку полевых материалов в компании, занимающейся этим в течение последних 10 лет и делающей это на самом высоком технологическом уровне – specializing / dealing in processing (relying) on the basis the cutting edge technologies* (при переводе имеет место конкретизация: *это – processing*, и опущение второго слова *это*).

Собирабельные русские существительные, обозначающие совокупность людей (*аристократия, казачество, студенчество, духовенство*), равно как и их несобирабельные корреляты, означающие простое множество (*студенты, аристократы, казаки, священники*) – обычно соответствуют английским словам, обозначающим простое множество – *students, priests* (редко – *aristocracy, nobility*). Иными словами, при переводе теряется свойственный абстрактным собирабельным существительным компонент абстрагированности от физического воплощения (именно поэтому нельзя сказать **студенчество нашей группы* – денотат данного слова не может быть представлен как существующий в каком-либо конкретном месте в конкретный момент времени). В английском языке способы абстрагирования отличаются от русских: так в ряде случаев русские обозначения «простых» множеств (*врачи, учителя*) соответствует английским абстрактным собирабельным словам – (*the teaching/medical profession*). Сфера таких слов сводится преимущественно к описанию профессиональной среды.

У *отглагольных* существительных (см. [12; 13]) природа абстрагированности иная – речь идет об абстрагированности от протекания во времени описываемого действия: как известно, глагол представляет действие как лежащее на оси времени, тогда как отглагольное существительное представляет действие уже как предметную сущность – *шуметь – шум*. Действие *шум* представлено как абстрагированное от реального протекания во времени. Для русского языка свойственно использование отглагольных существительных в большей степени, чем для английского – оппозиция «имя – глагол» в современном русском языке часто решается в пользу имени. Природа абстрагированности в семантике отглагольных существительных иная, чем у собирабельных существительных, иная и стратегия перевода, которая в целом направлена на устранение этой абстрагированности, редуцированной предикативности и ориентирована на разворачивание ее в полноценную предикативность, т.е. глагол-предикат, ср., например: *Пока не вполне ясны причины падения курса евро – We do not know yet why the euro (exchange rate) fell so dramatically*, где отглагольное существительное разворачивается в предикат в составе придаточного предложения образа действия.

Еще один тип абстрактных русских существительных представлен *словами вероятностной оценки: возможность, вероятность, необходимость, нужда, потребность*, которые при переводе на английский язык часто также «теряют» абстрагированность и либо передаются прилагательным, либо разворачиваются в предикативную структуру: *возможность решения – possible solution to* (ср. часто используемое изучающими английский язык неуклюжее *the possibility of*), *не всегда понятна необходимость – not clear why (we) need*.

В самом общем виде стратегия перевода абстрактных имен различного типа на английский язык представляет собой снятие абстрагированности. Если отглагольное существительное является семантически «пустым», оно, как правило, не воспроизводится в английском языке – *Министр обратился с просьбой отложить принятие решения – ... requested to postpone the decision*.

Наличие большого числа заимствований

В число «книжных» попадают также многочисленные латинские и греческие заимствования, воспринимающиеся носителями языка как показатели высокого стиля. Большинство этих заимствований относятся к интернационализмам – ср. *верификация, компоненты, модель, идеализация, органический анализ и синтез, индукция и дедукция, гипотеза, теория, кредо, финансовые институты, сегмент, организация, глобальный, экспериментальный цикл, коллоквиум*. Действие указанных факторов привело к созданию русской языковой картины мира, отличной от англосаксонской модели, и эти различия должны учитываться при переводе.

Особенности русской национальной картины мира

В национальном языке и его картине мира получает отражение этноспецифичная ценностная картина мира – «декларируемый выбор базовых ценностей в каждой культуре имеет устойчиво повторяющуюся, содержательно наполненную, изменяющуюся, но очень медленно, структуру» [14, с. 26]. Это предполагает проекцию национальной картины мира и на тип языковой личности – под влиянием православного религиозного сознания складывается определенный, отличный от иных тип языковой личности – в меньшей степени индивидуалист, чем протестант, – отождествляющий себя скорее с миром, не вычлняющий свои интересы и не противопоставляющий их миру и общим интересам. В целом в национальном сознании есть устойчивая ориентация на мнение окружающих, направленность на другого, русский не мыслит себя одиноким. Формируется принципиально иная структура личного пространства, чем в протестантской традиции. В работе Клухон отмечается, что «русские по сравнению с американцами и другими группами выделяются своим страстным желанием стать членами некоторого коллектива, их отличает чувство коллективизма, принадлежности к определенному сообществу, а также теплота и экспрессивная эмоциональность человеческих взаимоотно-

ношений» ([Kluckhohn 1961 – цит. по 15, с. 34]). Такие отношения с сообществом вполне объяснимы историко-климатическими условиями России, когда сообщество жизнеспособно при условии объединения усилий по выживанию. Одним из следствий сложившегося типа языковой личности можно считать **разнообразие языковых средств выражения эмоций**. Как известно, «в области культурно значимых объектов и концептов языки обладают особенно богатым словарным запасом» [15, с. 71], причем это «отражается не только в лексических, но и в грамматических структурах» [там же, с. 72]. В русском языке эмоциональная лексика представлена шире, чем в английском: это проявляется в обилии глаголов эмоционального восприятия и поведения – *тосковать, радоваться, скучать, гордиться, злиться, гневаться, возмущаться, нервничать*. При этом русский язык отличает не только количество таких единиц, но и их «качественный» состав – в английском эмоциональные состояния и модели поведения представлены в виде (пассивных) **состояний**, выражаемых составным именным сказуемым – *He is sad / happy / afraid / angry / glad / calm*, в русском языке они моделируются по активному типу, **глагольным сказуемым**. В английской модели мира число активных глаголов мало – ср. *worry, grieve, rejoice (устаревшее), pine (изнывать, томиться)*. Активны только непереходные глаголы отрицательной эмоциональной реакции – *sulk (дуться), fret (раздражаться), fume (кипеть), rave (неистовствовать)* [15, с. 72–77].

Разнообразие средств выражения эмоций проявляется также в русской системе экспрессивного словообразования – оно представлено большим количеством уменьшительно-ласкательных аффиксов, которые с трудом поддаются переводу – ср. пример перевода фразы из романа А.И. Солженицына: *трудолюбивые светленькие немочки* – *hard working blond Germans*, где исчезает ощущение приятности и привлекательности [15, с. 52]. Русские уменьшительно-ласкательные аффиксы переводят либо через аналитические структуры *малышка* – *my little one / girl*, *слоник* – *a little elephant*, *шкафчик* – *a little cupboard*; либо экспрессивность не отражена, ср.: *Мне пожалуйста, чай с лимончиком* – ... *lemon* (ср. неправильное * *little lemon*). В целом русская экспрессивная аффиксальная система не имеет аналога в английской, которая также связана с экспрессией, однако ее воздействие основано на факторе частотности, новизны и благозвучия.

Риторический вопрос в русском языке широко распространен – *Как вам не стыдно? Что из этого хорошего будет? Сколько можно его хоронить?* В английских учебных пособиях по стилистике специально оговаривается нежелательность его использования в нейтральном стиле; это не означает, что риторический вопрос не используется в английской речи – напротив, в силу выразительности он выбирается, если говорящий хочет особо подчерк-

нуть значимость сообщаемого. Русский риторический вопрос стилистически «стерт», и при переводе английских риторических вопросов приходится находить более выразительные средства. Общая стратегия перевода русских риторических вопросов состоит в преобразовании их в утвердительные предложения – *В каких только странах не побывали защитники прав человека в прошлом году!* – *Ombudsmen went to a number of countries last year.* Английская экспрессивность компенсируется, например, интонационным рисунком, что отражено в большей ширине английской тонограммы по сравнению с русской.

Русский «фатализм»

Пунктирность русского бытия – огромные просторы и существование в неблагоприятных климатических условиях также вносят известный вклад в представление мира как не до конца предсказуемого [8, с. 213] – вероятность положительного исхода в лучшем случае определяется как равная вероятности отрицательного. Положительный исход воспринимается как приятная неожиданность, тогда как в норме ожидается скорее неудача.

Сочетание ожидаемой неудачи делает вероятным появление *отрицательных по форме* (но не по содержанию!) *высказываний* – выражений просьб и предложений – *не могли бы вы, не кажется ли вам* (=может быть, вы можете, но я смиренно готов принять отказ), *Не стесняйтесь, звоните, если нужно* – *Feel free to* (тж. *Do not hesitate to*), *У меня нет времени* – *I am short / pressed for time*, *Неудивительно, что* – *it's hardly surprising*.

Обилие безличных структур

Непрогнозируемость объективного мира порождает обилие безличных структур, когда индивид осмысляется как объект действия ему неподвластных сил: *Мне повезло / грустно / не работалось; Крышу сорвало ветром, дороге занесло; Меня тошнит*, или как пространство их действия *В комнате пахнет яблоками, Над головой гудело, У меня в ухе звенит / тревожно на душе* и др.

Эту особенность русского языка часто связывают с фатализмом и иррациональностью, якобы присущими русскому характеру [15]. Утверждение о фатализме и «пассивности» представляется несколько преувеличенным. Во-первых, русская вера в судьбу и случай не подтверждена социологическими опросами: согласно данным ВЦИОМ (2005 г.) в судьбу верят 35 % русских, в Англии – 68 % населения, и можно сделать вывод, что частотность русских безличных конструкций и их отсутствие в английском языке не имеют отношения к вере в судьбу или к рациональному мировоззрению [16]. Во-вторых, наличие безличности не является типично русским феноменом – во многих европейских языках также есть безличные конструкции – ср. немецкую форму безличного пассива *Es wird getanzt*.

Русские безличные предложения [13] переводят английскими структурами с формальным подлежащим *it is warm in the room*, предложениями с выраженным одушевленным субъектом в качестве подлежащего *I feel (at heart), my soul was aching, my ears are ringing*. Модели с **дательным** субъекта при переводе трансформируются в двусоставные предложения с грамматическим субъектом (переход пациенса в агенс): *В любом случае нам хотелось бы, чтобы закон был сформулирован еще подробнее – We would appreciate the law to be more precise*. Инфинитивные модели при переводе требуют введения формального *it – it was necessary / important / crucial / relevant*, или подлежащего типа *we – we need*, неопределенного местоимения *one – one never knows*, часто с опорой на показатели модальности (*should, must*). Бытийные модели переводятся через модель *there is – There have been discrepancies between what they said and what they did*. Русские **неопределенно-личные** модели *У нас (в институте) полагают / говорят, что ...* при переводе требуют восстановления субъекта – *we / they / the faculty say*. Если субъект действия не может быть восстановлен, внимание переключается на объект: *Обоих доставили в отделение милиции – Both were taken to the PD*.

Синтетический характер русского языка определяет сложность русско-го синтаксиса: обилие придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов, многообразие синтаксических и морфологических связей – длина среднего английского предложения значительно меньше, как и число компонентов, его составляющих. Переводчику приходится прибегать к приему членения, представляя полипредиктивную конструкцию в виде отдельных простых предложений. Морфологическая «гибкость» русского также позволяет создавать разветвленные номинативные группы, членами которых являются отглагольные существительные: *идея организации мероприятия будет способствовать укреплению отношений в коллективе*. При переводе их требуется либо развернуть во вторично-предикативные структуры (инфинитив, причастие, герундий), либо пожертвовать как нерелевантными для английского языка: *the event might enhance team spirit*.

В целом аналитизм английского языка и синтетизм русского вступают в известный «конфликт» при переводческом взаимодействии на уровне синтаксических структур любого уровня, а переводчику приходится учитывать две уравновешивающих друг друга тенденции – одна к сворачиванию, другая к разворачиванию исходной конструкции.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М., 1938.
2. Бурстин Д. Американцы. Демократический опыт. (ДО) – М., 1993.

3. Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. (КО) – М., 1993.
4. Бурстин Д. Американцы. Национальный опыт. (НО) – М., 1993.
5. Bryson B. Made in America. – N.Y., 2005.
6. Strunk W. Jr., White E.B. The Elements of Style. – 4th Edition. – Massachusetts, 2000.
7. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. – М., 2003.
8. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М., 2008.
9. Евдокимова Е.В. Прагматический и лингвокультурологический аспекты перифраз и сходных стилистических приемов в газетно-журнальном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004.
11. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М., 2000.
12. Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их местоименные актуализаторы *весь / целый* и *all / whole*. – М., 1987.
13. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалеевой. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
14. Зарецкий Е.В. О русском фатализме в грамматике [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал. – 2007. – № 12(157). – URL: <http://www.relga.ru/Environ/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=2030> (дата обращения 16.02.2013).
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
16. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова [и др.]. – М., 2010.

Получено 20.03.2013

O.A. Suleymanova

POTENTIAL CROSS-CULTURAL CONFLICT: ITS ORIGIN AND RESOLUTION

The paper attempts to relate the cultural, historical, national practices to development of the language. The analysis focuses on the features which are relevant for translation practice. Translation patterns are suggested.

Keywords: *translation, national language, written / spoken and abstract language, structure models of the sentences.*